

Проводив отца, Флер не стала медлить. Она нашла Гарри и Гермиону у озера, на их любимом камне. Гарри сидел, подтянув колени к груди, подбородок упирался в них, а Гермиона, тихим голосом, что-то ему говорила. Но, казалось, ее слова не находили отклика. Флер медленно подошла к ним, стараясь не спугнуть. В душе она уже знала, что общение с Гарри будет непростым. Ему всегда было сложно говорить о своих проблемах, а сейчас, когда он не разговаривал даже с Гермионой, Флер сомневалась, что он откроется ей. Но она собиралась стать его женой, и, вероятно, ей предстояло смириться с его молчанием. Гермиона, заметив Флер, подняла взгляд и на мгновение застыла, раздумывая. Но решение пришло быстро: да, она была его лучшей подругой, но Флер должна была стать его женой. Некоторые вещи были личными, и, хотя она не знала Гарри достаточно хорошо, чтобы быть уверенной, ей казалось, что это была одна из тех вещей, которыми он не хотел делиться. — Извините нас, пожалуйста, Эрмиона, — тихо попросила Флер, пытаясь выразить свою благодарность взглядом. Она облегченно вздохнула, когда Гермиона ответила ей понимающей улыбкой. — Позаботься о нем, Флер, — прошептала она. Флер кивнула и наблюдала, как Гермиона уходит в замок. Затем, повернувшись к Гарри, она внимательнее его разглядела. И то, что она увидела, ей не понравилось. Он не реагировал ни на ее приход, ни на уход Гермионы, что было дурным знаком. Он был напряжен, мышцы скованы, в его позе чувствовалась неестественная неподвижность. В последние минуты его глаза были закрыты, и Флер не знала, хорошо это или нет. Выражение лица Гарри говорило о глубоком отчаянии. Понимая, что разговоры сейчас бесполезны, Флер села рядом с ним, занимая место, которое только что освободила Гермиона. Осторожно прислонившись к нему, она обняла его за плечи, пытаясь без слов выразить свою поддержку. Она облегченно вздохнула, когда он не отстранился; она почти ожидала, что этот контакт окажется нежеланным. Долгое время они молчали, и Флер с тревогой наблюдала, как выражение лица Гарри все больше погружается в отчаяние. Она видела, как плотно сжаты его веки, как с каждым мгновением углубляются морщины на его лбу. Вскоре по его щеке скатилась слеза, и тогда Флер поняла, что происходит. Он боролся за контроль над собой, но проигрывал. Она знала от отца, что Дурсли не позволяли Гарри проявлять эмоции: это всегда заканчивалось побоями. Он провел годы в том доме, учась подавлять свои чувства, и теперь, похоже, это его настигло. После всего, что произошло за последние две недели, это было неудивительно. Гарри напрягся, когда Флер убрала руку с его плеча, будто ожидая, что она уйдет. Но у Флер не было такого намерения. Она повернулась к нему лицом и осторожно притянула его к себе, нежно прижав его голову к своей груди. И этого оказалось достаточно, чтобы сломить его сопротивление. Он подавил тихий всхлип, и слезы потекли свободнее. Флер ничего не говорила, просто обнимала его, когда плотина наконец прорвалась. Тринадцать лет сдерживаемых слез вырвались наружу, и он уже не мог их остановить. Флер сомневалась, что он когда-нибудь плакал так сильно; по рассказам отца, даже сломанные конечности не вызывали у него слез. Он держал все в себе, и больше не мог. Быстро наложенное заклинание уединения гарантировало, что их никто не потревожит, и Флер терпеливо ждала, пока Гарри успокоится. В каком-то смысле, она была польщена тем, что он позволил ей увидеть его таким. Для большинства мальчиков, находящихся в обществе, слезы были проявлением слабости, а для Гарри это был инстинкт выживания. Это был бессознательный жест абсолютного доверия, который она не скоро забудет. Много минут спустя он наконец затих, и его руки неуверенно обхватили Флер. Она молча успокаивала его, проводя пальцами по его волосам, и просто ждала. Он заговорит, когда будет готов. — Что со мной? — слабо спросил он, его голос был хриплым и болезненным. Флер закрыла глаза, ощущая сочувственную боль, и положила подбородок на его голову. — В тебе нет ничего плохого, Гарри, — прошептала она. — Тогда почему все автоматически считают, что я сделал что-то не так? — Флер удивленно моргнула, услышав этот неожиданный вопрос. Она подумала, что он имеет в виду тот факт, что он наконец-то сломался, но, очевидно, ошибалась. Но что ее действительно беспокоило, так это то, что у нее не было для него хорошего ответа. — Я не знаю, — тихо призналась она, нежно проведя большим пальцем по его щеке. — Но это они ошибаются, а не ты. Он покачал

головой.— Я не знаю, сколько еще я смогу выдержать, Флер, — слабо признался он, его хватка на ней усилилась. — Все это, это... Это просто слишком. Флер снова закрыла глаза, ее сердце разрывалось за него. То, что он так открылся ей, говорило о том, как сильно он страдает. Мало кто смог бы пережить то, что пережил он, и остаться в здравом уме, но Гарри каким-то образом выжил и не дал этому изменить себя. У него по-прежнему было чистое золотое сердце. Воистину, он был самым удивительным человеком, которого она когда-либо встречала, и его уже нельзя было назвать мальчиком. Он пережил ужасы, подобные которым мало кто мог себе представить, и каким-то образом продолжал жить. Большинство после такого превратились бы во Тьму, если бы вообще смогли выжить. Она хотела избавить его от этой боли, дать ему возможность жить той жизнью, которую он заслужил, и поклялась, что поможет ему всем, чем сможет. Вот человек, который согласился жениться на ней, чтобы спасти ее жизнь, и сделал это до того, как узнал ее по-настоящему, и когда она ему не понравилась такой, какой он ее считал. Он заслуживал гораздо большего, чем кто-либо мог дать. Флер, погруженная в раздумья, вдруг осознала с поразительной ясностью: Гермiona была права. Она была влюблена в Гарри Поттера. И как же иначе? Даже без славы и богатства, она искренне наслаждалась его обществом, видя в нем не только героя, но и человека, с которым ей хотелось разделить жизнь. Единственное, что ее тревожило, — это то, что он согласился на этот брак не по своей воле. Она бы предпочла, чтобы он сделал выбор сам, как мало что в его жизни было по-настоящему его. Но раз уж он решился, она извлечет из этого максимум пользы, для них обоих.— Тебе больше не придется делать это в одиночку, — мягко произнесла она, глядя на него. — Я не знаю, сколько времени это займет, но мы пройдем через это вместе. Я всегда буду рядом. Гарри замер на мгновение, а затем медленно отстранился от ее объятий, чтобы посмотреть ей в глаза. Боль, которую она увидела в них, разрывала ей сердце. Он так долго искал, не давая никаких подсказок, что именно ищет, а потом...— Обещаешь? — прошептал он, в его словах звучало отчаяние.— Я обещаю, Арри, — серьезно сказала она, глядя ему в глаза. — Я никогда не оставлю тебя. Гарри долго смотрел на нее, его замешательство было очевидным. Флер без труда поняла, о чем он думает: он недоумевал, почему она так охотно делает подобное заявление. Его проблемы были огромны, и он считал, что никто другой не должен их решать. Он просто не понимал, какое влияние он оказывает на окружающих.